

лый, сильно тяготился своим одиночеством. Он не мог обойтись без женского пола и весьма сожалел, что жена, которая была для него еще вполне пригодна, умерла так рано. Однако он постепенно привык к своему положению и сумел возместить потерю, занимаясь благотворительными делами, а именно: стал любить жен ближних своих, как свою собственную, и вести дела вдов и всяких других женщин, приходивших к нему с жалобами. Словом, ловил, где попадалось, и рубил, как боец на турнире. Но через некоторое время это стало ему надоедать, ибо, не имея досуга заниматься выслеживанием удобных случаев, как это делает молодежь, он не мог посещать своих соседей так, чтобы не внушать никаких подозрений. Кроме того, все это ему обходилось довольно дорого. Поэтому он решил найти себе какую-нибудь женщину для постоянных услуг. Он вспомнил, что в Аркейле,<sup>141</sup> где у него было несколько виноградников, он видел когда-то одну молодую девушку, лет шестнадцати-семнадцати, по имени Жильетта, дочь одной бедной женщины, зарабатывавшей себе кусок хлеба пряжей льна. Эта девушка была крайне простодушна и глупа, хотя и довольно хороша лицом, но прокурор решил, что лучшего ему и не нужно, вспомнив когда-то слышанную им поговорку: *глупая супруга лучше умного друга*. Умным женам доверять нельзя: они всегда водят своих мужей за нос, то И дело вытягивают у них деньги, украшают их рогами или оказываются уж чересчур честными, а иногда и совмещают в себе все эти качества.

Короче говоря, наш прокурор поехал во время сбора винограда в Аркейль и стал просить мать этой девушки отпустить ее к нему в услужение. У него-де в настоящее время нет служанки, а без служанки он не может обойтись, он-де будет с ней хорошо обращаться и женится на ней, когда придет время. Старуха, отлично понимавшая, К чему он клонит речь, притворялась, однако, недолго. Бедность вынудила ее согласиться на это предложение, и она обещала послать к нему свою дочь в ближайшее воскресенье, что и сделала. Девушка, попав в город, была совсем ошеломлена, увидев в нем такое множество людей, ибо она не видала до этого времени ничего, кроме коров.

Чтобы дать ей немного осмотреться, прокурор сначала ни о чем с ней не говорил и продолжал по-прежнему ходить на поиски приключений. Кроме того, чтобы она исполняла предстоящие ей обязанности старательнее, он заказал для нее кое-какие наряды. Но в доме у него жил один писец, который поступил совсем иначе. Через два или три дня, когда прокурор ушел к кому-то на обед, он, увидев эту девушку, завел с ней разговор. Он стал ее расспрашивать, откуда она приехала и где ей больше нравится – в деревне или в городе.

– Милая моя, – сказал он, – не бойтесь ничего, вы не найдете лучшего места, чем здесь. На вас не будет лежать больших забот. Хозяин – человек добрый, и вам у него будет хорошо. А он еще не говорил вам, для чего он вас ваял к себе? – спросил писец.

– Нет, – ответила девушка. – Мать наказывала мне только слушаться его, помнить все, что мне скажут, и ничего не терять.

– Милая моя! – сказал писец. – Ваша мать дала вам хороший совет. Но она знала, что писец объяснит вам все ваши обязанности, и поэтому больше ничего не говорила. Милая моя, когда какая-нибудь молодая девушка поступает в городе в прислугу к прокурору, она должна предоставить себя в полное распоряжение его писца, а писец должен знакомить ее с городскими обычаями и с привычками ее хозяина, чтобы она умела ему угождать. В противном случае бедные девушки ничему не научаются, а хозяева начинают с ними дурно обращаться и наконец отсылают их обратно в деревню.

Так говорил писец, а бедная девушка слушала его и всему верила, ибо он учил ее угождать хозяину. Наконец она робко и с самым простодушным видом ответила ему:

– Я буду вам за это очень благодарна!

Писец, увидев по лицу девушки, что дела у него идут недурно, начал с ней заигрывать, гладить ее и целовать. А она только и говорила:

– Ох! Мать ничего про это мне не сказала.

Когда писец начал ее обнимать, она тоже не сопротивлялась, думая, что это городской обычай. Вот насколько она была глупа! Он проворно повалил ее на сундук, и, должно быть, сам черт ему помогал, так ловко он начал действовать!

С этого дня они продолжали свои занятия всякий раз, когда писцу представлялся удобный

<sup>141</sup> Аркейль – небольшая деревня недалеко от Парижа, на реке Бьевр, впадающей в Сену.